

Категоричность

ЧЕСТНОГО ЧЕЛОВЕКА

Дневники и письма Бориса Андреевича Бабочкина оказались для меня одной из самых интересных книг последнего времени о достоинстве художника, не дождавшегося перемен.

Для моего поколения фигура Бабочкина не вмещается даже в понятие великий актер. После выхода на экраны фильма «Чапаев» (это было самое сильное впечатление моей юности) он стал национальным героем. Кстати, поначалу картина ведь не была принята «на ура» начальством, совсем наоборот. Ее принял народ, потом последовало и официальное признание.

Экран военного времени помнит картины («Актриса», например), где Бабочкин не достигал таких вершин, как в «Чапаеве». И вот это несоответствие, видимо, и породило разговоры о Бабочкине как актере одной роли.

Лично я познакомился с Бабочкиным после войны. Он уже был не так молод и даже был нездоров. Мы оказались с ним в одном самолете — летели в Ригу на фестиваль. Меня поразила неординарность его суждений, мысли о нашей профессии. В Риге мы смотрели поставленного Радловым «Гамлета» в Даугавпилсском театре (Сергея Эрнестовича после реабилитации ближе к Москве не подпускали) и «Дядю Ваню» Чехова, не помню, в каком театре. Шло долгое и нудное обсуждение после просмотров, и вдруг слово получил Бабочкин. Говорил он как бы все наоборот, не так, как другие, наперерез ортодоксальному взгляду на чеховские традиции, утверждавшиеся Ермиловым и иже с ним. Бабочкин все видел по-своему. И говорил убедительно, несмотря на то, что очень лично, очень субъективно. А потом он взял и прямо на кафедре сыграл Астрова, кажется, сцену прощания с Еленой. Не могу забыть его рук! Откуда ни возьмись, совершенно другие руки, не такие, как у Чапаева — руки человека, который сажал леса и лечил людей, интеллигентные руки...

Я много раз видел Бориса Андреевича и в театре, и в кино. Авторитет Бабочкина в среде профессионалов рос прямо пропорционально поставленному им и сыгранному. Но производил он в конце жизни впечатление удивительно одинокого человека. И, прочитав книгу, я понял почему: увидел человеческую независимость, чувство собственного достоинства, презрение и ненависть к фальши и предательству, тоску по подлинному искусству и **своему** театру.

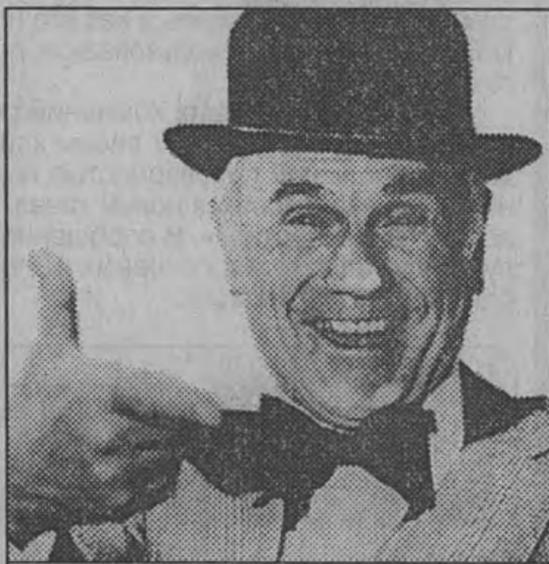
После кончины Бориса Андреевича Ильинский писал, что характер перевоплощения Бабочкина был таков, что образ доводился им до неузнаваемости. С этим я категорически не согласен. Я думаю, что главная особенность Бабочкина — в его способности **яростного присвоения**, я подчеркиваю это, присвоения предлагаемых обстоятельств себе, себе самому, поэтому он и оставался всегда одним из самых современных актеров.

Книга дневников и писем Бориса Андреевича, составленная и подготовленная дочерью Натальей Бабочкиной и близким другом Львом Парфеновым (он написал и обстоятельную вступительную статью), выпущена Российским научно-исследовательским институтом киноискусства в издательстве «Материк». Она оказалась для меня одной из самых интересных книг о моей профессии, о профессии актера. Именно за счет того, что так замечательно сформулировал Станиславский, и от своего имени сказал нашей театральной общественности Джорджо Стрелер: главное в искусстве театра — искренность. Вот именно искренность в книге Бабочкина поражает. Потому что время, в которое он жил, в которое мы все жили, как раз не предполагало такого качества. Все научились врать друг другу и даже себе.

Книга Бабочкина пронизана

яростной страстностью суждений, категоричностью честного человека в оценках происходящего и в жизни, и в искусстве. Все мне тут интересно и, надо сказать, знакомо. Очень знакомо. Я, например, глаза Царева, о которых он пишет, забыть не могу. И так все время: то, что Бабочкин пишет, я вижу. Иногда в описании того или иного случая интонация, может быть, излишне желчна или трагична, но причины этого понимаешь. В конце жизни Бабочкин часто говорит, что несчастен (небезосновательно) — после встреч с Фурцевой и разным театральным «начальством», размышляя о конфликтах с коллективами, в которых я, кстати, тоже работал; он был несчастен, когда думал о **своем** театре, мечта о котором мучила его после ухода из БДТ... И я вспоминаю своих учителей, которые умерли, тоже не имея своих театров, «отрешенные» от них. В этой книге я словно прочитал и про них...

Интонация Бабочкина меняется, когда он пишет о друзьях, о семье, — письма к жене удивительно нежны, полны любовью, и это тоже мне очень близко. Книга-

Борис Бабочкин в последней в жизни роли — Сэм Боулдер в фильме М.Швейцера «Бегство мистера МакКинли» (1975 г.).

исповедь словно стала и моей исповедью, теперь мне хочется переписать свою книгу. Кстати, мне хочется переставить и все свои спектакли, мне кажется, что я или сделал что-то не так или артисты испортили то, что я придумал. И с этим ощущением я уйду...

Я понимаю отчаяние Бабочкина от того, во что актеры превращают его спектакль. Но есть у него и какая-то терпимость к любимым постановкам, даже, я бы сказал, влюбленность в них. Есть у него и трогательная влюбленность в своих учеников, и это тоже мне близко и понятно, наше ощущение педагогики совпадает.

Именно в работе с учениками Борис Андреевич находил отдушину, а я тоже театр люблю из зрительного зала и терпеть не могу из-за кулис. Мне удивительно близко его желание прийти, например, на занятия в Институт кинематографии и сыграть со своими учениками «Фальшивую монету» так, чтобы противопоставить ее штампам, безобразию, которое творится в театре. А иногда действительно творится непереносимое... Вдруг замечательные артисты, с которыми сделал их лучшие роли, позволяют себе черт-те что! И приходится письменно объяснять актеру, что мне противопоказано то, что он делает в моем спектакле. Я очень хорошо понимаю Бориса Андреевича. Я понимаю и своего ученика Петра Фоменко, который на репетициях «Плодов просвещения» Толстого в нашем театре боролся со звездным поведением исполнителей.

Шестидесятники очень гордятся тем, какие они были передовые, все знали и предвидели, пели новые песни. Но вот перед нами раскрылась нелегкая судьба человека, трезво и честно оценивающего время — «век подлый и жестокий» и недождавшегося перемен. Я благодарен этой книге, подарившей мне бесценное представление о лучшем в Искусстве.

Андрей ГОНЧАРОВ,
главный режиссер
Театра им. Маяковского.